

УДК 327

DOI 10.31857/S032120680004909-3

Американо-китайские отношения: возвращение холодной войны?

В.И. Батюк

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д 2/3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1838-8616> e-mail: ctas@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 2.02.2019 г.

Резюме: За последние годы между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой наметился рост серьёзных противоречий в военно-политической, экономической и политической сферах. В политических кругах США заговорили о новой холодной (и даже, возможно, горячей) войне между двумя странами. Рост китайской военной мощи и экономического потенциала вызывает тревогу в Вашингтоне. Американскую политико-академическую элиту беспокоит и возможность формирования российско-китайского антиамериканского альянса. В США, однако, нет единства относительно того, кто их главный враг в новой холодной войне - Россия или Китай.

Ключевые слова: «стратегический треугольник», наращивание военной мощи, управляемые ракеты, сальдо торгового баланса, российско-китайский альянс

Для цитирования: Батюк В.И. Американо-китайские отношения: возвращение холодной войны? *США & Канада: экономика, политика, идеология*, 2019;49(5):22-38
DOI: 10.31857/S032120680004909-3

U.S. – Chinese Relations: Is Cold War Coming back?

Vladimir I. Batuk

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН),

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1838-8616> e-mail: stas@inbox.ru

Received 2.02.2019

Abstract. In recent years, the rise of serious military, political, economic and political contradictions between the United States of America and the People's Republic of China became a reality. In American political circles they started talking about a new Cold (and even possibly Hot) War between the two countries. The growth of Chinese military power and economic potential causes an alarm in American ruling circles. The Chinese People's Liberation Army challenged the U.S. absolute military preponderance in the Western part of the Pacific Ocean. The Chinese military can use against the Americans the tactics of Anti-Access/Area Denial, thus changing radically the balance of power in the Asia-Pacific

Region. Mainland China now is the strongest economy in the world, undermining thus the U.S. global economic positions. The American political and academic elite is also concerned about the possibility of forming a Russian-Chinese anti-American Alliance. In the U.S., however, there is no unity as to who America's main enemy in the new cold war is - Russia or China. In any foreseeable future, America will have to confront such strong opponents as Russia and China, under the conditions of disorder and discontent in the United States.

Keywords: "Strategic triangle", the military build-up, guided missiles, trade balance, the Russian-Chinese Alliance

For citation: Batiuk V.I. U.S.-Chinese Relations: Is Cold War Coming back? *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2019;49(5): 22-38. DOI: 10.31857/S032120680004909-3

ВВЕДЕНИЕ

Провозглашение Китайской Народной Республики в 1949 г. стало сокрушительным ударом по международным позициям Соединённых Штатов. Крупнейшая по численности населения страна в мире и (потенциально) одна из величайших мировых держав стала союзником и единомышленником враждебной «сверхдержавы» – Советского Союза. Подписание советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в феврале 1950 г. было воспринято в Вашингтоне как сигнал о том, что материковый Китай окончательно потерял для американского влияния и необходимо создать такую систему проамериканских союзов в Восточной Азии, которая могла бы противостоять наметившемуся альянсу двух коммунистических гигантов.

Этот альянс, однако, просуществовал недолго: уже на рубеже 1950–1960-х годов между КПСС и КПК возникли непримиримые идеологические противоречия. К концу 1960-х годов разногласия между СССР и КНР вышли на новый уровень, перестав быть лишь межпартийными и став по преимуществу межгосударственными. Испытания атомного (1964 г.), а вскоре – и термоядерного (1967 г.) оружия в Китае вызвало серьёзную обеспокоенность в Москве, тем более что превращение КНР в ядерную державу сопровождалось обострением внутривнутриполитической борьбы (в рамках так называемой «великой пролетарской культурной революции») и крайне агрессивными заявлениями и действиями китайских руководителей. Очень опасной поэтому была «военная тревога» на советско-китайской границе (август-сентябрь 1969 г.): серия пограничных инцидентов могла перерасти в глобальный конфликт с применением ядерного оружия (во всяком случае, в Москве на достаточно высоком уровне рассматривался в этот период вариант нанесения превентивного ядерного удара по китайской ядерной инфраструктуре) [Батюк В.И., 2016: 400].

Нужно отдать должное американской дипломатии: она сумела воспользоваться советско-китайским конфликтом, выстроив такую систему американо-

китайских и советско-американских отношений, которая позволяла официальному Вашингтону извлекать максимальные выгоды из противостояния СССР и КНР. США взяли курс на **разрядку** в американо-китайских отношениях, стремясь таким образом сформировать «треугольник» США – КНР – СССР, чтобы Соединённые Штаты заняли в нём наиболее выгодные позиции, поддерживая при этом отношения с каждым из коммунистических гигантов лучше, чем они – друг с другом.

Американо-китайская разрядка помогла американцам одержать верх над так называемым социалистическим лагерем в ходе холодной войны, а КНР, в свою очередь, позволила восстановить нормальные политические и экономические отношения с США, что стало важнейшей предпосылкой для мощнейшего роста американо-китайского торгово-экономического сотрудничества [Киссинджер Г. 1997; Лукин В.П. и др. 1979; Печатнов В.О., Манькин А.С. 2012; Торкунов А.В. 2017; Уткин А.И. 2005]. Оборот взаимной торговли между Китаем и США увеличился с 2,5 млрд долл. в 1979 г. до 519,6 млрд долл. в 2016 г., т.е. в 208 раз [1]. США и КНР, таким образом, стали крупнейшими торговыми партнёрами друг для друга. Казалось бы, тем самым создан прочнейший экономический фундамент для поступательного развития политического диалога между двумя странами.

РОСТ КИТАЙСКОЙ ВОЕННОЙ МОЩИ

Всё большую озабоченность в Соединённых Штатах вызывает нарастание военной мощи Китайской Народной Республики. И дело не в количественном росте Народно-освободительной армии Китая (НОАК) – за последние годы её общая численность не выросла, а, наоборот, сократилась на 300 тыс. человек. Одновременно (и именно это обстоятельство вызывает тревогу в американских правящих кругах) существенно возрос потенциал китайских ВВС и ВМС [9].

Американские военные озабочены увеличением потенциала НОАК в районе Восточно-Китайского, Жёлтого и Южно-Китайского морей. При этом в США не исключают, что возможности китайских ВВС, ВМС, космических, радиотехнических и информационных средств проецировать свою мощь распространятся и на всю акваторию Тихого океана.

С точки зрения Министерства обороны особую проблему для США и их союзников в АТР создаёт быстрый рост ракетных сил НОАК. Сегодня Китай располагает комплексом традиционных баллистических ракет малой и средней дальности, а также крылатыми ракетами наземного и воздушного базирования. Уже сейчас американские базы в Японии находятся под прицелом растущего числа китайских крылатых ракет. Полёты китайского среднего бомбардировщика *H-6K* в западную часть Тихого океана демонстрируют способность Китая нанести удар по острову Гуам с помощью крылатых ракет воздушного базирования *CJ-20*. До шести таких ракет быть размещено на борту

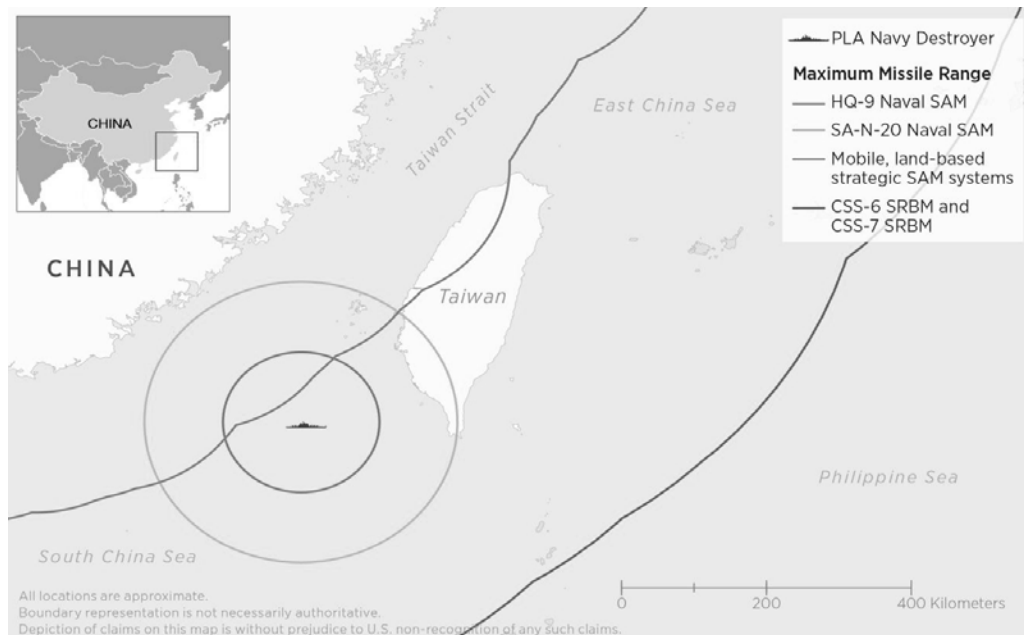
китайского среднего бомбардировщика *H-6K*. Китайская баллистическая ракета средней дальности *DF-26*, которая была продемонстрирована в 2015 и 2017 гг., способна наносить удары высокоточными обычными или ядерными боеголовками по наземным целям, включая базы США на Гуаме. Приобретение на Украине трёх воздушных заправочных танкеров Ил-78 «Мидас» позволит китайским ВВС расширить радиус действия истребителей Су-30 для поддержки бомбардировщиков *H-6K* [2].

КНР в последние годы добилась серьёзного прогресса и в количественном наращивании, и в качественном совершенствовании своих управляемых ракет «земля-земля», способных наносить удары высокоточными боеголовками, в том числе по надводным судам. Противокорабельная баллистическая ракета «Дунфэн 21 (модификации *C* и *D*)» обладает дальностью от 800 до 1000 км. На вооружении НОАК имеются и крылатые ракеты наземного базирования. Например, *CJ-10* имеет дальность стрельбы более 1500 км и обладает высокой точностью. Эти ракетные системы дают НОАК возможность атаковать корабли, включая авианосцы, в западной части Тихого океана.

Американские военные полагают, что возможности китайских ВВС ещё больше возрастут за счёт таких систем четвёртого и пятого поколений российского и китайского производства, как Су-27/Су-30, *J-11A*, *J-10A/b/c*, *J-11B*, *J-16*, *J-20* и *FC-31*. Эти новейшие истребители-бомбардировщики отличаются высокой маневренностью, обладают характеристиками скрытности, расширенными возможностями радиолокационного слежения и наведения, а также наличием интегрированных систем РЭБ. Правда, Китай испытывает трудности с двигателями и радарам для самолётов пятого поколения, что является препятствием для начала массового производства этих машин [2: 62].

Американские военные аналитики обращают внимание на серьёзный рост боевых возможностей ВМС НОАК. Началось серийное производство эсминцев класса «Луюань-III», а также фрегатов классов «Янгкай», тип I и II и «Янгдао». Все эти суда оснащены крылатыми ракетами большой дальности. Спущен на воду первый миноносец класса «Ренхай» (начало серийного производства ожидается в текущем году). Продолжается ввод в эксплуатацию и больших кораблей материально-технического обеспечения, а также специализированных морских вспомогательных судов. Потенциал ВМС НОАК ещё больше возрастет после того, как в 2019 г. будет введён в строй первый китайский авианосец – «Ляонин».

Рис.1. Дальность полёта китайских ракет «земля-земля» и «земля-воздух» в районе Тайваньского пролива

Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2016. Office of the Secretary of Defense. Generated on 2016 April 26. P. 87.

Эти новейшие китайские боевые корабли уже сейчас способны проецировать военную мощь за тысячи километров от побережья КНР, в том числе и в тех районах Мирового океана, которые американские военные традиционно рассматривали как свою вотчину. В 2017 г. ВМС НОАК осуществляли боевое патрулирование в западной и южной частях акватории Тихого и Индийского океанов, а также в Беринговом море. Три китайских корабля провели самый продолжительный в истории ВМС НОАК визит доброй воли, посетив 20 стран в Индо-Тихоокеанском регионе, Европе, Африке и Океании. Три других китайских боевых корабля отправились в Балтийское море для проведения совместных учений с ВМФ России. В 2017 г. Китай сохранил свою тактическую группу из трёх судов в Аденском заливе, продолжая девятилетние усилия по защите китайского торгового судоходства от морского пиратства.

Эта операция является первой длительной военно-морской операцией Китая за пределами Индо-Тихоокеанского региона. Кроме того, в рамках этой операции продолжалось развёртывание подводных лодок в Индийском океане. Первая военно-морская база Китая за пределами КНР в Джибути может облегчить некоторые логистические проблемы для операций в Индийском океане, и Китай может создать дополнительно такие объекты в течение следующего десятилетия.

Вывод американской стороны однозначен: уже сейчас Китай обладает возможностью для того, чтобы сдержать или, если будет приказано, победить третью сторону, которая попытается помешать китайскому вторжению на Тайвань. Тем самым китайские военные теперь способны применить в отношении США тактику «воспреещение доступа/блокирования зоны» (*Anti-Access/Area Denial*), радикально изменив привычное для Вашингтона соотношение сил в регионе [2: 65-69].

К тому же КНР сумела добиться количественного роста и качественного совершенствования своих стратегических ядерных сил. Ядерный арсенал Китая в настоящее время состоит из примерно 75-100 МБР, в том числе ракет шахтного базирования CSS-4 модификации 2 (китайское обозначение – DF-5A) и модификации 3 (DF-5B); твёрдотопливных ракет с мобильными стартовыми установками CSS-10, модификации 1 и 2 (китайское обозначение – DF-31 и DF-31A). Осуществляется программа по переоснащению китайских межконтинентальных баллистических ракет разделяющимися головными частями индивидуального наведения и средствами прорыва противоракетной обороны. Кроме того, ракетные войска НОАК имеют на вооружении ракеты средней и меньшей дальности шахтного базирования CSS-3 (DF-4), а также мобильные твердотопливные ракеты CSS-5 (модификации 2 и 6) и DF-26. Эта ракета имеет максимальную дальность полета до 4000 км. Она способна наносить высокоточные удары по наземным и надводным целям, потенциально угрожая сухопутным и морским силам США даже на Гуаме (2:72).

«Китай добился наибольшего прогресса в развитии технологии баллистических ракет средней дальности (БРПЛ), – с тревогой отметил командующий Тихоокеанским командованием США адмирал Г. Харрис. – В настоящее время ракеты меньшей и средней дальности (РМД и РСД) составляют примерно 95% общего ракетного потенциала НОАК. Китайские СМИ регулярно трубят о ракетных разработках, тщательно отмечая, что их ракеты не нацелены на какую-либо конкретную страну. Однако простое сравнение дальности ракет с географией позволяет предположить, куда китайские ракеты, скорее всего, будут нацелены – РМД против Тайваня и американских авианосных ударных групп, действующих на море, РСД – против американских баз в Японии и на Гуаме и МБР против континентальной территории США. Стремление Китая к передовым ракетным технологиям гиперзвуковых ракет предвещает ещё большие проблемы в течение следующих нескольких лет» [3: 8].

На вооружении ВМС НОАК в настоящее время имеется четыре атомные субмарины класса *JIN*, ещё одна строится. Каждая такая ПЛАРБ имеет на вооружении 12 БРПЛ класса CSS-N-14 (*JL-2*) с дальностью стрельбы до 7200 км. Иными словами, китайские атомные субмарины нового поколения способны нанести удар по Соединённым Штатам, находясь вблизи китайских берегов, под защитой ВМФ и ВВС КНР. Тем самым Китай демонстрирует свою способность к ядерному сдерживанию США.

Очевидно, что абсолютному американскому военному превосходству в АТР брошен серьёзный вызов, и с этим не могут не считаться американские военные.

КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ И АМЕРИКАНСКИЙ ОТВЕТ

В Стратегии национальной безопасности, утверждённой президентом Д. Трампом в декабре 2017 г., о главных вызовах национальной безопасности США говорится следующее: «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаются подорвать американскую безопасность и процветание» [4]. Соответственно, национальная оборонная стратегия США 2018 г. следующим образом определяет характер **военных** угроз Соединённым Штатам: «Центральным вызовом американскому процветанию и безопасности является *восстановление долгосрочного стратегического соперничества* со стороны тех, кого стратегия национальной безопасности классифицирует как ревизионистские державы. Становится всё более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью» [3].

Составители документа не скрывают тревоги по поводу того, что американские вооружённые силы утрачивают своё некогда неоспоримое и абсолютное превосходство. «На протяжении нескольких десятилетий Соединённые Штаты обладали неоспоримым или внушительным превосходством в любом операционном пространстве, – указывается в Национальной оборонной стратегии. – Мы могли размещать наши войска там, где хотим, собирать их там, где хотим, и действовать так, как мы хотим. Сегодня же в любой сфере мы сталкиваемся с противоборством – в воздухе, на земле, на море, в космическом и киберпространствах» [5: 21-22].

В свою очередь, адмирал Г. Харрис констатировал, что «Китай развил и развернул потенциал и возможности для того, чтобы бросить вызов нашему господству на море в данном регионе», и поэтому ТИХКОМ нужны такие новейшие системы вооружений, как интегрированная система управления огнём ВМС США, новейший эсминец, оснащённый системой «Иджис», новый радар противовоздушной и противоракетной обороны (AMDR) и истребители-бомбардировщики пятого поколения».

Особое значение, по мнению адмирала, в ближайшее время обретут системы защиты «от всего спектра текущих и возникающих угроз (например, гиперзвуковые ракеты и ударные беспилотники). Мои приоритеты включают в себя многодоменные кинетические/летальные ударные системы, в том числе гиперзвуковые системы большой дальности, ракету класса «воздух-воздух», высокоточные боеприпасы дальнего радиуса действия, морской удар с моря и комплексную противовоздушную и противоракетную оборону. Дополнительные усилия требуют командование и управление <...> а также интеграция дальнобойных, высокоскоростных, мощных, живучих и высокоточ-

ных боеприпасов на кораблях, подводных лодках, патрульных судах, у наземных формирований, на бомбардировщиках и истребителях». Эти новейшие системы вооружений, как полагает Харрис, позволят нейтрализовать китайские возможности в сфере «воспреещения доступа/блокирования зоны» [3: 21-22].

Большое внимание командующий ТИХКОМ уделил усилению потенциала ВВС США в зоне ответственности Тихоокеанского командования: «ТИХКОМ продолжает уделять приоритетное внимание передовому размещению и развертыванию самолётов 5-го поколения в Индо-Тихоокеанском регионе, включая первые ударные истребители-бомбардировщики *F-35B* корпуса морской пехоты на территории Японии в январе 2017 г. и первой эскадрильи *F-35A* в Республике Корея в ноябре 2017 г.» Кроме того, приверженность США Индо-Тихоокеанскому региону подтверждается развертыванием наших новейших и самых передовых авиационных платформ, таких как *P-8 Poseidon*, *RQ-4 Global Hawk*, *MV-22 Osprey*, *EA-18G Growler*, *E-2D Hawkeye* и *C-130J Super Hercules*» [3: 32].

Оценивая перспективы военного конфликта между США и КНР, американские военные эксперты обращают внимание в первую очередь на ситуацию в Южно-Китайском море, где китайцы ведут активное строительство и оборудование военно-морских и военно-воздушных баз на спорных островах архипелага Спратли, на которые претендуют КНР, Тайвань, Вьетнам, Малайзия, Бруней и Филиппины. Сотрудники корпорации РЭНД полагают, что американо-китайский вооруженный конфликт может возникнуть в результате маневров американских надводных кораблей вблизи этих спорных островных владений в Южно-Китайском море [Батюк, 2017].

Некоторые же американские специалисты рассматривают именно ситуацию вокруг Тайваня как возможную причину вооружённого столкновения США и КНР. Так, по мнению американского исследователя китайского происхождения М. Пея, «вероятно, самым опасным следствием тайваньской политики Китая является вызываемое ею повышение напряжённости в отношениях с США. Будучи главным защитником фактической независимости Тайваня, Вашингтон уже предпринял ряд шагов, чтобы обозначить свою позицию: «США не будут просто сидеть сложа руки и наблюдать, как Китай пытается грубо подчинить остров <...> До сих пор Китай отвечал на подобные вызовы своей «политике одного Китая» усилением давления на Тайвань, тем самым, сохраняя крайне опасную динамику, причём ровно в тот момент, когда американо-китайские отношения уже и так накалены. Если руководство Китая не разорвёт этот порочный круг, эскалация волевого противостояния с США может перерасти в прямой конфликт» [Pei M., 2019].

Очевидно, что в Вашингтоне отдают себе отчёт в масштабах китайской военной угрозы, однако в американских правящих кругах не сводят китайский вызов стратегическим интересам США в АТР лишь к потенциалу НОАК. Ведь этот

впечатляющий рост китайской военной мощи наложился на поступательный подъём экономики Китая. В 2014 г. по размерам своего ВВП КНР вышла на первое место в мире, обогнав США. И темпы роста китайской экономики продолжают превосходить американский показатель в 3 раза.

И дело, разумеется, не только в национальной гордости американцев, привыкших во всём, и прежде всего в экономической сфере, быть самыми первыми. Американцев тревожат более практические вопросы – такие как неуклонный рост отрицательного сальдо американо-китайского торгового баланса, достигшего 375 млрд долл. в 2017 г. [6]. Беспокоят американцев и специфическое отношение китайских партнёров к проблеме интеллектуальной собственности.

Эта ситуация вызывает глубокое разочарование у многих американских специалистов по Китаю. Ведь со времен реформ Дэн Сяопина (если не Шанхайского коммюнике 1972 г.) в американском политико-академическом сообществе доминировала точка зрения, что по мере экономического прогресса, увеличения внешней торговли, расширения сотрудничества с США и Западом Китай неизбежно будет продвигаться по пути демократии по-американски.

Как отмечает (не без некоторого злорадства, надо признать) индийский исследователь из Центра политических исследований в Нью-Дели Б. Челланей, «от Ричарда Никсона до Барака Обамы сменявшие друг друга президенты США рассматривали помощь экономическому росту Китая как вопрос национальных интересов; действительно, Джими Картер однажды выпустил президентскую директиву, в которой заявил об этом. Даже когда Китай бросил вызов правилам мировой торговли, заставил компании делиться своей интеллектуальной собственностью и нарастил свои военные мускулы, США держались за наивную надежду, что, по мере того как Китай становится всё более процветающим, он, естественно, будет проводить экономическую и даже политическую либерализацию». «Этого, однако, не произошло, – замечает Челланей. – Вместо этого Китай занял центральное место в глобальных производственных цепочках создания стоимости, поскольку бесчисленное множество компаний переместили своё производство в эту страну – в том числе из США – сохраняя при этом свои рынки, политику и людей под жёстким контролем. На самом деле, китайская диктатура еще больше укрепилась в последние годы, поскольку Коммунистическая партия Китая использовала цифровые технологии для создания государства слежки. Между тем, американский дефицит в двусторонней торговле вырос в последние годы на триллионы долларов» [Chellaney B., 2018].

«Китайский вопрос», однако, не сводится лишь к отсутствию экономической и политической либерализации в КНР. Американский политический класс весьма обеспокоен ростом глобального экономического и политического присутствия Китайской Народной Республики. Так, в своём выступлении в

Гудзоновском институте вице-президент США Р. Пенс обвинил Пекин не только в опасном сближении китайских боевых кораблей с американским эсминцем в районе островов Спратли, но и в том, что Китай использует «дипломатию долга» для расширения своего влияния во всём мире. «Сегодня эта страна предлагает сотни миллиардов долларов инфраструктурных кредитов правительствам от Азии до Африки, от Европы до Латинской Америки, – с огорчением отметил вице-президент США. – Тем не менее, условия этих кредитов в лучшем случае непрозрачны и выгоды получает в подавляющем большинстве случаев Пекин». По словам Пенса, Пекин протянул спасательный круг «коррупционному и некомпетентному режиму Мадуро в Венесуэле», пообещав 5 млрд долл. кредитов, которые могут быть погашены нефтью. В ходе своего выступления вице-президент выдвинул в адрес Пекина обвинение, которое до того американцы выдвигали исключительно в адрес Москвы: «Разведывательное сообщество США определило, что Китай нацелен на американские государственные и местные органы власти и чиновников, чтобы использовать в своих интересах любые разногласия между федеральным и местным властями» [Ramton R., 2018].

Пытаясь нащупать выход из сложившегося положения, некоторые американские эксперты указывают на необходимость возвращения к нормальному диалогу между Соединёнными Штатами и Китайской Народной Республикой. Так, директор Азиатской программы Фонда Карнеги за международный мир Д. Паал с огорчением отметил, что в органах исполнительной власти США, отвечающих за развитие отношений с Китаем, произошла смена поколений – ушли те американские должностные лица, которые ещё помнили, каким был дореформенный Китай и каким громадным был социально-экономический и технологический прогресс, достигнутый этой страной с конца 1970-х годов. На смену им пришли молодые бюрократы, для которых Китай ассоциируется прежде всего с тем, что в Вашингтоне считают нечестной торговой практикой, кражей интеллектуальной собственности, агрессивным поведением в Жёлтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, подрывом финансового здоровья тех стран, которые участвуют в китайской инициативе «один пояс – один путь». «Будет справедливым заметить, – подчёркивает Паал, – что слабость исторической памяти не является чем-то новым для Америки. Наши избирательные циклы и культура, ориентирующаяся на будущее, усиливают тенденцию спрашивать, “что вы сделали для меня хорошего в последнее время”, а не “как мы можем опираться на прошлое сотрудничество?” Не каждый американский промах в отношении прошлого или приличия должен быть прощён» [7].

НОВЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ «ТРЕУГОЛЬНИК» США – КНР – РФ?

Анализируя контекст американско-китайских отношений, многие представители американской политико-академической элиты обращают внимание на российский фактор в этих отношениях.

Так, старший научный сотрудник влиятельного Гуверовского института войны, революции и мира В. Хэнсон пишет о «систематическом и бесконтрольном китайском мошенничестве в сфере торговли и интеллектуальной собственности. Пекин украл американские технологии, увеличил дефицит торгового баланса и искажил всю мировую торговую систему. Такой односторонний китайский меркантилизм был оправдан американским руководством как “свободная торговля”. Вашингтон также проморгал военную агрессию Китая в Южно-Китайском море. Поэтому китайцы построили искусственные базы на островах Спратли, чтобы запугивать своих соседей и манипулировать тихоокеанскими торговыми путями <...> Председатель КНР Си Цзиньпин открыто хвастался, что к 2025 г. Китай будет доминировать в мировой высокотехнологичной промышленности, десять лет спустя будет доминировать в Тихоокеанском регионе, а к середине века будет управлять миром». Но ещё хуже, по мнению Хэнсона, то, что американское ротозейство привело к российско-китайскому сближению на антиамериканской основе: «В течение многих лет Путин и Си не скрывают своего презрения к США; они стремились использовать Сирию, Иран и Северную Корею, чтобы проверить возможную реакцию США, а также вели кибервойны против американских компаний и учреждений <...> Россия и Китай согласились с тем, что сила воли США слаба, и, несмотря на их собственные экзистенциальные различия, сочли взаимовыгодным сговор с целью снижения американского (международного) статуса» [Hanson B., 2018].

Не все американские эксперты, однако, подобно Хэнсону, рассматривают противостояние между РФ и КНР, с одной стороны, и США – с другой, исключительно в реалистическом формате. Некоторые исследователи указывают на идеологические истоки этого противостояния. Так, по мнению А. Кендэл-Тэйлор и Д. Шульмана, «Россия и Китай считают усилия по поддержке демократии, особенно американские усилия, как слабо завуалированные попытки расширить влияние США и подорвать их режимы. Они также последовательно стремятся противостоять продвижению западной демократии <...> Вмешательство Кремля в президентские выборы в США в 2016 г., например, было призвано по крайней мере частично очернить американскую демократию и позволить Москве утверждать, что Вашингтон не имеет права указывать другим странам, как проводить выборы. Со своей стороны, китайские лидеры стремились постепенно ослабить демократические нормы в качестве способа укрепления международной легитимности ленинско-капиталистической формы правления в Китае <...>. Китай и Россия также извлекают выгоду из

растущей волны национализма и дискурса о суверенитете, чтобы изобразить западную поддержку демократических институтов как иностранное влияние, которому необходимо сопротивляться. Подобно тому, как Россия действует на Ближнем Востоке, Китай уже давно рекламирует тот же нарратив в Юго-Восточной Азии, особенно среди авторитарных правительств, таких как камбоджийский». Авторы признают, что в США и на Западе в целом долгое время недооценивали возможность появления российско-китайского «антидемократического» альянса («слишком долго западные лидеры предполагали, что глубокое недоверие и конкуренция будут вбивать клин между Россией и Китаем. Но этот прогноз не оправдался»).

Этому альянсу, по мнению А. Кендэл-Тэйлор и Д. Шульмана, необходимо противопоставить идеологическую мобилизацию США и их союзников: «В дополнение к поддержке позитивных моделей демократического управления Соединённые Штаты и их партнёры должны удвоить усилия по укреплению демократической устойчивости стран, подвергающихся наибольшему риску, в том числе путём поддержки развития независимого страноведения по Китаю и России, а также путём укрепления расследовательской журналистики и гражданского общества, которые могут пролить свет на влияние авторитаризма и связанных с ним национальных лидеров. Чем сильнее будет регулирующая среда страны, гражданское общество, политические партии и независимые СМИ, тем менее эффективными будут атаки авторитарных держав на демократические институты и тем менее привлекательны будут авторитарный нарратив и модель» [Kendall-Taylor A., Shulman D., 2018].

Однако неясно, предлагают ли цитированные выше американские эксперты противостоять российско-китайской мощи или идеологическому вызову и бороться с Москвой и Пекином одновременно.

Но не все в США согласны с таким подходом. Некоторые представители американской политико-академической элиты обращают внимание на то, что подобная политика официального Вашингтона в отношении Москвы и Пекина способна лишь подтолкнуть их к взаимному сближению. Так, незадолго до своей кончины патриарх американской советологии З. Бжезинский предупреждал, что «Соединённые Штаты должны помнить о серьёзной опасности заключения стратегического альянса между Китаем и Россией, к которому их может отчасти подтолкнуть внутренняя политическая и идеологическая инерция, а отчасти непродуманная внешняя политика Вашингтона <...>. Для Соединённых Штатов не может быть ничего опаснее тесного союза этих двух держав» [Бжезинский Зб., 2017].

Соглашаясь с этой точкой зрения гуру американской геополитики, некоторые американские эксперты пытаются наметить пути развала антиамерикански настроенного российско-китайского тандема. Так, по мнению старшего редактора журнала «Форин полиси» Дж. Палмера, Россия – это абсолютное зло, с которым невозможны никакие компромиссы («главная цель России –

разрушать, изводить и сеять раздор между альянсами любыми доступными ей средствами, часто не задумываясь о более широкой картине. Это наиболее удобно в наступлении, будь то взлом демократического национального комитета, вторжение в Украину или кибератака на Эстонию»). А вот Китай, в отличие от России, по мнению автора, не только не вмешивается в американские президентские выборы, но и проводит совсем другую политику на международной арене: «Китайские цели ясны, долгосрочны и достигаются не посредством ... драматических методов, а через очарование денег и власти <...>. Российские операции зачастую являются просто злодейскими, но с китайскими сложнее справиться именно потому, что они смешивают принуждение с законными усилиями по усилению своего голоса в мировых делах - и с финансовыми средствами, которые заполняют те пробелы, которые Запад не смог заполнить». Вывод, к которому приходит Палмер, однозначен: если в отношениях с Россией Вашингтон должен исключить всякий нормальный диалог, то с Китаем, напротив, такой диалог совершенно необходим [Palmer J., 2018].

С этой точкой зрения согласна бывшая сотрудница Госдепартамента США А. Мэньюел. «Китай и Россия будут решительно поддерживать друг друга, если их загнать в угол, – пишет она. – Из них Китай гораздо важнее для долгосрочного процветания Соединённых Штатов. Новая холодная война с Китаем не отвечает ничьим интересам и отвлечёт ресурсы США от важных приоритетов внутри страны. Если США хотят избежать попадания Си в руки Путина, это не обязательно означает, что они должны капитулировать перед требованиями Си. США следовало бы чётко определить, свои позиции и последовательно обеспечивать их соблюдение, как это происходит сейчас в Южно-Китайском море. В то же время США могут протянуть руку для сотрудничества с Китаем, где это возможно, например, по сделке об изменении климата, согласованной в 2014 году» [Manuel A., 2018].

С другой стороны, такие крупнейшие эксперты по внешней политике США как Г. Эллисон и Д. Саймс, полагают, что, решая задачу развала российско-китайского альянса, направленного против Соединённых Штатов, американцам следует сделать ставку как раз на Россию: «Если определяющим вызовом национальным интересам США в XXI веке оказался растущий Китай, то предотвращение появления китайско-российского союза должно стать ключевым приоритетом США. Чтобы убедить Россию встать на американскую сторону баланса сил, американским политикам потребуется существенно пересмотреть свои стратегические цели в отношениях с Москвой. Как бы ни было сложно представить это сегодня, смотря на общие поветрия в американской политике, отправной точкой для разговора должно стать чёткое определение причины и следствия. Если США пытаются наказать Владимира Путина за недопустимое поведение — независимо от его намерений — это может иметь предсказуемые последствия и подтолкнуть Россию к странному союзу с Китаем» [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что США и КНР втягиваются в серьёзный конфликт, который не сводится лишь к различным подходам Вашингтона и Пекина к ситуации в международных отношениях и в мировой экономике. Налицо набирающий обороты идеологический конфликт между двумя великими державами – конфликт между американским либеральным глобализмом и китайским национализмом, а этот идеологический конфликт вряд ли удастся урегулировать посредством переговоров. При этом Соединённые Штаты втягиваются в этот конфликт в неблагоприятных для себя условиях. И дело не только в изменении экономического и военно-технического баланса в мире не в пользу США. Куда большей проблемой для Вашингтона является то обстоятельство, что страна вступает в конфронтацию с Китаем в условиях глубочайшего политического раскола в самих Соединённых Штатах, в том числе и по вопросу об американо-китайских отношениях.

Рассматривая этот конфликт, исполнительный редактор американского журнала «Нэшнл ревью» Р. Салам полагает, что именно националистически настроенные консерваторы выступают за противостояние с КНР в военной, экономической и политической сферах, в то время как либеральные глобалисты видят врага № 1 не в Пекине а, скорее, в Москве: «Америка, которая выступает против путинской России, – это Америка, которая удвоит свою приверженность космополитическому либерализму, включая приверженность свободной и открытой торговле на многосторонней, недискриминационной основе, в то же время рассматривая националистический консерватизм как ретроградное маргинальное явление», – полагает Салам. Напротив, «если Пекин, а не Москва, является государственным врагом № 1, жизненно важно, чтобы США увеличили государственные инвестиции в инфраструктуру и человеческий капитал, и чтобы они управляли американскими фирмами для создания устойчивых цепочек поставок, базирующихся в Америке, а не в промышленном центре Китая. Я подозреваю, что Россия была бы в этом случае соперником, но она будет рассматриваться через другую призму: как потенциальный союзник в затяжном конфликте с Китаем, что станет намного вероятнее, как только Путин покинет сцену». В любом случае, как полагает автор, выбор противника № 1 в новой холодной войне будет определяться исходом внутривнутриполитической борьбы в самих США [Salam R., 2018].

Эта борьба, однако, очень далека от своего завершения, и в любой обозримой перспективе Соединённым Штатам придётся противостоять таким сильным противникам, как Россия и Китай, в условиях разброда и шатания в самих США. В этих условиях американский политический класс может пойти по пути наименьшего внутривнутриполитического сопротивления, ведя новую холодную войну и с РФ, и с КНР, способствуя тем самым их сближению на антиамериканской основе.

ИСТОЧНИКИ

- [1] Торгово-экономические отношения Китая и США в цифрах. 15:13.25.02.2017. Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0225/c31518-9182648.html> (accessed at: 12. 01.2019).
- [2] Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018. – Office of the Secretary of Defense. May 16, 2018.
- [3] Statement of admiral Harry B. Harris Jr., U.S. Navy Commander, U.S. Pacific Command before the Senate Armed Services Committee on U.S. pacific command posture 15 march 2018.
- [4] National Security Strategy of the USA, December 2017, 68 p.
- [5] Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States.
- [6] Top U.S. Trade Partners Ranked by 2017 U.S. Total Export Value for Goods (in millions of U.S. dollars). Available at: https://www.trade.gov/mas/ian/build/groups/public/@tg_ian/documents/webcontent/tg_ian_003364.pdf (accessed 01.12.2018).
- [7] Paal D. How US-China disputes on trade, Taiwan and the South China Sea are driven by Washington's new generation. *South China Morning Post*. 10 October, 2018. Available at: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/united-states/article/2167785/how-us-china-disputes-trade-taiwan-and-south> (accessed 01.12.2018).
- [8] Эллисон Г., Саймс Д. Китайско-российский альянс вновь угрожает Америке. США должны пересмотреть свою политику в отношении Москвы, чтобы противостоять угрозе растущего Китая. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20190131/244492369.html> (accessed 20.11.2018).
- [9] Denmark A. The China Challenge: Military and Security Developments. Prepared Testimony Before the Senate Foreign Relations Committee Subcommittee on East Asia, The Pacific, and International Cybersecurity Policy. September 5, 2018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батюк В.И. 2016. История международных отношений. Учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство «Юрайт». 483 с.
- Батюк В.И. 2017. Возможный американо-китайский конфликт в оценках американских специалистов. *Россия и Америка в XXI веке* [электронный журнал]. № 1. (<http://www.rusus.ru/?act=read&id=541>)
- Бжезинский Зб. 2017. Кризис мировой власти и тройственный союз США, Китая и России. *Россия в глобальной политике*. 9 января. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Krizis-mirovoi-vlasti-i-troistvennyi-soyuz-SShA-Kitaya-i-Rossii-18528> (accessed 7.12.2018).
- Киссинджер Г. 1997. Дипломатия. М.: Ладомир, 903 с.
- Лукин В.П. (ред.) 1979. США и проблемы Тихого океана. Международно-политические аспекты. 1979. Лукин В.П. и др. (ред.). М.: Международные отношения, 1979, 371 с.

Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012, 672 с.

Торкунов А.В. Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Современные международные отношения*. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2017, 688 с.

Уткин А.И. 2005. Мировая «холодная война». М. «Эксмо», «Алгоритм», 736с.

REFERENCES

- Batyuk V. 2017. Vozmozhnij amerikano-kitajskij konflikt v otzhenkah amerikan-skih spetsialistov. | Possible US-Chinese Military Conflict: The American Military Experts' Estimates. *Rossija I Amerika v XXI veke*. # 1. <http://www.rusus.ru/?act=read&id=541> (accessed 07.12.2018).
- Brzeziński Z. 2017. Krizis mirovoj vlasti I troystvennij sojuz SShA, Kitaja I Rossii. *Rossija v globalnoj politike*. January 9, 2017. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Krizis-mirovoi-vlasti-i-troistvennyi-soyuz-SShA-Kitaya-i-Rossii-18528> (accessed 07.12.2018).
- Kissinger H. Diplomacy. – New York: A Touchstone Book. Simon & Schuster, 1994. – 912 p.
- Pechatnov V.O., Manykin A.S. Istorija vneshnej politiki SShA [History of the US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2012, 672 p.
- SShA I problemy Tihogo okeana. Mezhdunarodno-politicheskie aspekty. | USA and the Pacific Ocean's Issues. International and Political Aspects. Lukin V.P. i dr. (pod red.). Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1979. 371 p.
- Torkunov A.V. Mezhdunarodnije otnoshenija v Aziatsko-Tihookeanskom regione [International Affairs in the Asia-Pacific Region]. / A.V. Torkunov, A.D. Voskresenskij, V.I. Denisov, Yu.A. Dubinin, E.V. Koldunova, A.V. Lukin, D.V. Streltsov, V.V. Sumskij. *Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija*. Pod re. A.V. Torkunova, A.V. Malgyna. Moskva: Izdatelstvo "Aspekt Press", 2017. 688 s.
- Utkin A.I. Mirovaja holodnaja vojna [World Cold War]. Moskva: Izdatelstvo "Eksmo", izdatelstvo "Algoritm".
- Chellaney B. 2018. The End of America's China Fantasy. *Project Syndicate*. October 22, 2018. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-china-policy-trade-war-competition-by-brahma-chellaney-2018-10> {accessed 07.12.2018}.
- Hanson V. A New Era for the China-Russia-U.S. Triangle. *National Interest*. October 11, 2018. Available at: <https://www.nationalreview.com/2018/10/a-new-era-for-the-china-russia-u-s-triangle/> (accessed 07.12.2018).
- Kendall-Taylor A., Shullman D. 2018. How Russia and China Undermine Democracy Can the West Counter the Threat? *Foreign Affairs*. October 2. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-10-02/how-russia-and-china-undermine-democracy> (accessed 20.02.2019).
- Manuel A. It's Not Too Late to Prevent a Russia-China Axis. Here's how the U.S. can avoid driving the two countries together. *The Atlantic*. September 14, 2018. Avail-

able at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/china-russia-alliance-military-exercises/570202/> (accessed 20.02.2019 (accessed 21.02.2019).

Palmer J. Russia Is 4chan, China Is Facebook. Mike Pence's equation of Beijing's influence with Moscow's hacking was misleading and dangerous. // *Foreign Policy*. October 10, 2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/10/10/russia-is-4chan-china-is-facebook/> accessed 20.11.2018).

Pei M. Опасная тайваньская политика Китая. // Project Syndicate. January 11, 2019. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-taiwan-policy-conflict-with-america-by-minxin-pei-2019-01/russian> (accessed 30.11.2018).

Ramton R. Pence to tell China: We will not be intimidated in South China Sea. October 4, 2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-pence/pence-to-tell-china-we-will-not-be-intimidated-in-south-china-sea-idUSKCN1ME05W> (accessed 12.01.2018).

Salam R. Is China or Russia America's Defining Rival? The debate doesn't just have consequences for U.S. foreign policy — it will define the next decades of domestic affairs as well. *The Atlantic*. January 9, 2018. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/10/china-or-russia-american-enemy/572479/> (accessed 30.01.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Батюк Владимир Игоревич, доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Москва, Российская Федерация; профессор Высшей школы экономики. Москва, Российская Федерация

Vladimir I. Batiuk, Doc. Sci. (History), Director of the Centre for Military-Political Studies, Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). Moscow, Russian Federation; Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation